

уральских умельцев, к возрождению традиций и интерес к уральской росписи.

Литература

1. Моделирование и художественное оформление женской и детской одежды. Учебник для учащихся профессиональных лицеев, училищ и курсовых комбинатов. / Автор-составитель Т.О. Бердник. Ростов н/Д: изд-во «Феникс», 2001. 352 с.
2. Тенденции современной моды [Электронный ресурс]: 2008. Режим доступа: http://www.i-u.ru/biblio/archive/shepel_imedjelogija/05.aspx
3. http://history.ntagil.ru/10_48.htm
4. Голубева А.Н. Источники формирования традиций тагильской лаковой живописи. // Первые Худояровские чтения: Доклады и сообщения, 22-23 апреля 2004г. / Уральское училище прикладного искусства и др. Н. Тагил, 2004. С. 61
5. Дмитриев А.В., Максяшин А.С. Тагильская роза. История «лакирного дела» на Урале / под ред. Е.В. Логунова и И.Г. Семенова. Екатеринбург: Старт, 2000. 140с.
6. Барадулин В.А. Уральская народная живопись по дереву, бересте и металлу / В.А. Барадулин. Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1982.

Д. В. Полежаев
г. Волгоград

РЕМЕСЛЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ И ДИНАМИКА СОЦИАЛЬНОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ МЕНТАЛЬНЫХ УСТАНОВОК ОБЩЕСТВА

Социально-экономическая ситуация в современной России характеризуется различными авторами в зависимости от исследовательской позиции и сферы научных интересов по-разному: от некритически восторженной поддержки неустойчивого нового развития экономики до негативно отрицающего неприятия. Философское осмысление предполагает учет этих крайних и иных точек зрения при понимании необходимости детерминации основного вектора (или, как вариант, – векторов) развития современной России с соответствующим развитием экономики, права, политики, культуры. Это тем более важно в условиях изменяющейся социальной, культурной, политической, экономической, демографической ситуации, с учетом мировых тенденций глобального информационного мира.

Важно помнить, что социально-экономическое многообразие как системный фактор способствует гипер-разнообразию личностных позиций

политико-правового, социально-экономического, научного и культурного характера. Переходная экономика России, о характерных чертах и трудностях освоения которой говорили многие авторы относительно недавно, продолжает свое становление и в настоящее время [1]. На смену деструктивному этапу социальных преобразований, породившему (или, точнее, отразившему в себе) ситуацию социально-культурного кризиса, особо ярко проявившемуся в конце 90-х гг. XX в. в России, пришел этап конструктивный, устроительный, что не отрицает, впрочем, продолжения поиска форм реализации социально-экономических запросов и ответов на угрозы и вызовы глобальной цивилизации.

Этот поиск новых форм социально-экономического, политического, профессионального и правового устройства обременен не только в социальные (не только по значимости, но и по масштабу) формы; он весьма значим и на индивидуально-личностном уровне. Социально-экономическая ситуация общества диктует необходимость социально-культурной адаптации к новым условиям тех или иных социальных групп, профессиональных объединений и отдельного человека, субъекта общественно-экономических отношений. Так, низкая оплата труда, угроза безработицы и последующего изменения социального статуса и уровня жизни субъекта интенсифицирует социально-профессиональную мобильность заинтересованных групп и слоев населения. Эта мобильность в качестве результата предполагает и изменение ментальных установок индивида и сообщества, ценностного плана жизнедеятельности субъектов. Пришедший на смену коллективному интересу индивидуальный эгоизм (не в подавляющем большинстве населения России, но, во всяком случае, у значительной части представителей молодого, «постсоветского» поколения) выступает как характерная черта современности, артикулирующая некоторые проявления ментальной динамики.

Вместе с тем, гипер-индивидуализация жизни не является окончательным и необратимым процессом. В порядке выстраивания некоторых прогностических моделей развития А.Т. Хлопьев отмечал, что преодоление отчуждения между людьми, группами населения интенсифицируется успехами в формировании нового экономического уклада, эффективностью производства, улучшением материального положения. «На базе произошедшей дифференциации, – заметил он, – в обществе начинаются процессы социальной интеграции системы» [2]. Смена социально-экономического уклада, которая произошла одновременно с изменением общест-

венно-политического устройства страны, привела к продолжающемуся сегодня поиску и утверждению новых экономических отношений, созданию предпринимательских и торгово-финансовых структур, формирующих новые социальные слои и группы. Формируются и новые экономические черты личности, особенности индивидуального экономического и правового мышления, то есть речь идет о вполне определенных результатах ментальной динамики.

Материальный, экономический фактор, во многом определяющий процессы социально-экономической интеграции/деинтеграции общества, решающим образом формирует отношение людей к труду, своей профессии, ближайшему окружению, включая человека в побочные формы деятельности, изменяет стандарт потребления, перестраивает систему ценностей наличной культуры.

Замечено, что когда происходят различные модернизационные катаклизмы, то внедрить всякую инновацию мешают или способствуют, искажают ее или модифицируют такие условия и факторы, которые входят в менталитет. Соответственно, имея инновационные намерения, мы оцениваем, что удастся в конкретно этих условиях реализовать, а что нет. В этой связи проблема менталитета ставится в двух аспектах: первый – на какие ментальные конструкторы можно опереться, модернизируя социальную жизнь, знаем ли мы их, адекватно ли оцениваем и можем ли использовать. А второй – какие инновации при этих условиях будут иметь успех, а какие будут трансформироваться ввиду объективного наличия этих устойчивых ментальных конструкций [3]. Необходимо четкое осознание того, что мы должны учитывать, пытаясь проводить модернизацию в экономической или государственно-правовой сферах. Сознание, производимое социальной группой, характеризуя «общественно-функциональной» стороной общественное сознание, вместе с тем характеризуется социально-групповой значимостью и своей «эгогрупповой» стороной выражает общественные потребности (данной) социальной группы» [4].

В отношении личности к социальной и духовной формам бытия, в определении «генеральной» линии в социальной направленности деятельности при внимательном рассмотрении обнаруживается некоторая двойственность, которая, несомненно, накладывает отпечаток на внутренний механизм динамики этой направленности: на уровне обобщенного символического целого она фиксируется в рациональных подобию политических, юридических, моральных норм, а на уровне обыденных взаимодей-

ствий личностей она представляется совсем другими схемами поведения, не поддающимися абстрактным определениям, не имеющим четкого выражения. Эти схемы можно рассматривать как некий творческий «хаос» жизни индивидов, который, по мнению Н.О. Лосского, является следствием «недостатка средней культуры» [5]. Вообще, человек изначально живет в культуре определенного социума, которая и задает ему критерии выбора, культурный код, весь сложный мир идеалов, ценностей, смыслонаправленных установок, признаваемых этой культурой способов деятельности человека и форм его общения.

Этническая история и трудовая деятельность имеют ментальное измерение. В рамках нашей концепции русского менталитета [6] менталитет представляется как система установок, в числе которых может быть выделена трудовая установка или установка или установка к труду. Это именно *установка* как глубинно-психическое явление, а не *ценность* как элемент этнической культуры (особенно в марксистском понимании феномена ценности, вульгаризированном в современном отечественном социально-гуманитарном знании). Установка (система установок) трудовая рассматривается как триединый элемент глубинно-психического пространства менталитета.

Ментальные установки, «работающие» как глубинно-психический механизм, не имеют ярких национально выраженных характеристик; их особенности проявляются в слиянии с установками социально-культурными, которые могут быть представлены в виде ценностного ряда – прирастающего с развитием человеческой цивилизации эшелона культурных сфер. К ним относятся религиозная, правовая, государственная, нравственная, природная, эстетическая, трудовая, языковая, семейная, национальная и другие установки.

Трудовая установка занимает важное место в ментальном пространстве русской культуры, определяя социальную направленность деятельности индивида и сообщества. Социальное значение трудовой активности индивида и сообщества проявляется в различных аспектах. Профессиональное самоопределение человека означает возможность его последовательной и успешной социализации в социальном окружении национального сообщества и глобального мира [7]. Поиску своего места занятости в пространстве трудовых отношений предшествует ориентация в мире профессий и в сферах занятости.

Важным трудовым аспектом социализации человека признается се-

годня, в рамках известного культурного сближения российской и европейской систем образования, развитие продуктивной компетентности человека. Под продуктивной компетентностью понимается способность индивида производить конкретный продукт, получая некоторый результат деятельности (измеряемый с позиций тех или иных критериев), который могут использовать другие; ответственность индивида за планирование, ход и результаты труда, что придает осознанный характер конкретным действиям; способность материально обеспечивать себя и близких средствами к существованию, «умение работать и зарабатывать» [8].

Трудовая ориентация человека и закрепление его в пространстве социально-трудовых отношений означает не только последующую социально-бытовую его устроенность, но и устойчивость глубинно-психического, ментального плана. Осознанное отношение к трудовой активности человека, уважение к результатам своего труда и труда вообще формирует общий фон трудовой ориентации в социуме, формируя значимый в содержательном отношении вектор трудовой установки в системе установок менталитета.

Трудовая (экономическая, или хозяйственная) установка менталитета основывается, в рамках нашей концепции, на трех функциональных проявлениях труда как феномена культуры, сущность которых заключается в нижеследующем.

Первое проявление феномена труда в ментальном пространстве русской культуры связано с *восприятием* труда как культурного концепта. Что такое труд для русских, с чем он связан в процессе усвоения индивидом социальных ролей и какие опоры для закрепления образа труда в русском общественном сознании используются субъектами образовательно-воспитательного процесса – отдельные и достаточно сложные для обсуждения вопросы.

Восприятие труда как феномена культуры, как явления повседневной жизни, как потребности и способности человека и сообщества зависит от многих факторов. К ним относятся, по нашему мнению, *принадлежность* индивида к той или иной социальной группе общества, к профессиональному сообществу (в связи, в том числе, с занимаемой в профессиональной иерархии местом, функционалом, компетентностью, статусом и т.п.), национальная идентичность человека – как национально-государственная (в рамках страны, нации в европейском понимании), так и национально-этническая (в рамках отдельной национальности), а также

национально-региональная идентичность. Последняя объединяет собой пространственно-географические особенности большого русского народа, представители которого в разных краях великой страны являют собой часто противоположные психические типы [9]. К основным факторам, определяющим русское восприятие труда, относятся также правовой, гендерный, религиозный, возрастной, природно-географический и ряд других.

Во-вторых, важной с точки зрения осмысления труда как ментальной установки феномена культуры, определяющей экономическое правосознание, выступает *оценка* концепта труда в пространстве русской цивилизации (с учетом выше указанных особенностей его восприятия – на предыдущем этапе ментальной «работы»). Это проявление труда также представляется невозможным однозначно зафиксировать, поскольку оно зависит от наличной системы ценностей данного конкретного субъекта в данном конкретном времени и в тех или иных обстоятельствах.

Следует уточнить, что оценивается не только труд сам по себе как некий абстрактный феномен. Оценивается (через призму первого этапа «работы» менталитета) активность в реализации тех или иных видов деятельности или пассивность субъекта (индивида или ментального сообщества). Существенным является понимание того, какой вид деятельности оценивается в ментальном пространстве в тот или иной (исторически конкретный) момент: физическая, духовная, умственная (интеллектуальная) и др. В различные исторические периоды в различных социальных группах интеллектуальная, физическая и духовная работа того или иного индивида могут быть различно оцененными.

Необходимо напомнить, что процесс оценивания (особенно это касается отдельного человека) весьма серьезно зависит от наличной системы ценностей, то есть осуществляемых официально, формально идеологических социальных мер, предъявляемых требований и т.п.

Третьим существенным элементом проявления трудовой установки в ментальном пространстве русской культуры является *деятельностный* компонент коллективной психики в отношении феномена труда. Известно, на уровне общих рассуждений, русское отношение к труду как к необходимо обязательной, но не связанной с внутренними потребностями индивида, сфере бытия человека. Это, по-видимому, заблуждение, причем заблуждение – не вполне убедительно аргументированное. Да, леньность русского народа – притча во языцех для всех. Однако известны и представления о русском трудолюбии, которые имеют не меньше оснований

для существования. Кроме того, все социальные эксперименты в России, в том числе, в социально трудовой сфере, проводились и проводятся почти исключительно на базе русских областей Российской Федерации (эта линия, по утверждению отечественных политологов, идет с советского времени). Это, помимо всего прочего, яркий, на наш взгляд, показатель мобильности, динамичности, способности к социальным изменениям и личностной работе над собой.

Не следует однозначно утверждать о том, что русская трудовая установка как составляющая менталитета сформирована когда-то раз и навсегда и только в одной фиксированной форме. Следует помнить и об имеющейся у каждой медали оборотной стороне. Это должно бы сдерживать нас от метаний из края в край при оценке трудовых возможностей, достижений и недостатков нашего народа в пространстве русской культуры. Идеализация прошлого или будущего при нивелировке современных наших успехов не имеет смысла: утрата опоры не дает толчка к дальнейшему развитию и не укрепляет чувства самостоятельности, уверенности, достоинства в современниках и потомках.

Русская трудовая установка зафиксирована в конкретном историческом пространстве российской цивилизации, поэтому ментальные феномены не могут быть изменены сколько-нибудь значительным образом в течение исторически малого времени. Поэтому имеющие место рассуждения, иногда довольно пространные, о том, что «поменяют менталитет, и все начнут работать по-новому», не выдерживают критики, поскольку оперируют они «должным», а не «сущим». И совмещение этого долженствования с потребностями и возможностями русской цивилизации должно иметь в качестве научной опоры ментальный подход осмысления внесознательных процессов социально-индивидуального плана. Это – вопрос существования труда не только как феномена культуры, элемента системы ценностей индивида и сообщества, но и как ментального феномена, непрерывно самоактуализирующегося в пространстве русской цивилизации.

Ментальное осмысление феномена труда предоставляет исследователям целый ряд возможностей аспектного его изучения. С определенной смысловой натяжкой можно объединить (или, точнее, сопоставить) труд с деятельностью, поведением (в определенном понимании феномена деятельности человека), поступками, хотя каждое из приведенных понятий представляет собой отдельный феномен. Тем не менее, помещение их (и ряда других) в ментальное поле русской цивилизации, совмещение их ме-

жду собой в пространстве ментального подхода дает возможность обозначить целый ряд проблемных узлов категориально-понятийного и феноменологического плана, необходимо нуждающихся в социально-философском осмыслении и изучении его с общих позиций современного российского социально-гуманитарного знания.

Ремесленное измерение трудовой установки менталитета дает нам представление о деятельностных характеристиках этнической культуры и национального самосознания в региональном контексте. Ремесло может рассматриваться как «внешнее», то есть элемент формы национальной культуры. Сегодня это часто воспринимается как некий фетиш или эрзац: матрёшка (или другая игрушка), балалайка, элемент декора (росписи, вырезывания, плетения и т. п.). Именно продукты ремесла становятся часто овеществленными символами того или иного народа, страны, местности, культуры.

Поэтому ремесло имеет и культурное протяжение как *внутреннее*, а не как лишь проявление объективного духа народа в понимании Г.В.Ф. Гегеля. К слову, тот же Г. Гегель в свое время подчеркивал значение исторической динамики представлений о том или ином объекте культуры или культурном явлении, особенности восприятия того или иного феномена [10], в том числе, на наш взгляд, и ремесленного продукта.

Так и в результатах труда ремесленника: то, что ранее воспринималось как настоятельная необходимость в обиходе, в чем испытывалась потребность, сегодня, в изменившихся условиях, приобретает роль символа – исторической эпохи, страны, народа, профессии. Практическая же составляющая часто уходит без следа. Такое же сопоставление может быть проведено не с точки зрения исторического протяжения того или иного результата ремесленной деятельности, а сточки зрения ментальной экстремы «город – село». Эта и подобные ей экстремы многочисленны и весьма характерны для феномена русского менталитета, в пространстве трудовой установки которого осуществляется и ремесленная деятельность [11].

Примеры сопоставления тех или иных исторически окрашенных экстрем встречаются нам в обыденности довольно часто. Однажды в г. Урюпинске Волгоградской области (урюпинцы называют свой город «столицей российской провинции» – чем, кстати, не пример символичности социально-культурного измерения и предприимчивости нашего народа?) мне подарили на память старинный (около 200 лет) обливной казачий горшок – *крынку* с напутствием-характеристикой, что в нем, мол, «замеча-

тельно хранится молоко, не пожалеете»... Я представил себе, как покупаю в магазине молоко, переливаю его из герметичных пластиковых пакетов в кувшин, который затем ставлю в холодильник... И понимаю, что попадаю в смысловой диссонанс между городской современной урбанизированной культурой постмодерна и сельским укладом и образом жизни, характерным для культуры традиционного общества, фиксируя некий очередной ментальный конфликт. В казачьей крынке дома у меня сегодня расположилась степная икебана – историческая память о прошлом Вольного Дона и символ современного смещения культур: города и села, Востока и Запада, прошлого и настоящего.

Литература

1. Балабанов И.Т. Риск-менеджмент. М., 1996; Голуб Н.И. Причины потребительских рисков // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 5. С. 158–164.
2. Хлопьев А.Т. Трансформация социальной структуры российского общества // Социально-политический журнал. 1995. № 3. С. 24–37.
3. Иваненков С.П., Кусжанова А.Ж. Размышления о российском менталитете // Режим доступа: <http://www.osu.ru/osu/misc/page/ivanenkov/text/mental.html>
4. Демичев В.А. Проблемы структуры и функционирования общественного сознания. Челябинск, 1980. С. 81; Андреев И.Л. Происхождение человека и общества: 2-е изд., перераб. и доп. М.: Мысль, 1988. С. 378.
5. Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М., 1991. С. 333.
6. Полежаев Д.В. Об одной концепции менталитета // Вестник РФО РАН. М.: Московские учебники, 2007. № 2 (42). С. 125–129.
7. Гершунский Б.С. Философия образования для XXI века. (В поисках практико-ориентированных образовательных концепций). М.: Совершенство, 1998. 608 с.
8. Лиферов А.П., Воронова О.Е. Новая российская ментальность как инновационный ресурс модернизации образования // Педагогика. 2007. № 2. С. 12–22; Российское образование и тенденции мирового развития // Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года. М., 2002. С. 10–12 с.
9. Гачев Г.Д. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и Славянством. М.: Ин-т ДИДИК, 1997. 367 с.; Русская история и русский характер: матер. межд. конф.: В 3-х тт. Т. 3. СПб.: Санкт-Петербургское филос. об-во, 2002. С. 71–82.
10. Гегель, Г.В.Ф. Эстетика: в 4 т. М.: Искусство, 1968. Т. I. С. 275.
11. Полежаев Д.В. Русский менталитет: опыт социально-философского анализа: дис... докт. филос. наук. Волгоград, 2011. С. 116–123.